

Л.А. Тульцева

«УМИЛЬНО НА ПУЧОК ЗАРИ...»

(К реконструкции одного из пушкинских
образов милой старины)

А.С. Пушкин в своем описании сельского быта дворян Лариних в числе «привычек милой старины» наряду с масленицей, качелями, подблюдными песнями дает картину троицкого оплакивания цветов:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицы, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...

(А.С. Пушкин «Евгений Онегин». Гл II. Стrophe XXXV)

Известный Пушкину по его собственным наблюдениям троицкий обычай был запечатлен С.А. Есениным в стихотворении «Троицыно утро, утренний канон...» (1914 г.):

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон,
Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.
На резных окошках ленты и кусты¹.
Я пойду к обедне плакать на цветы.
Пойте в чащे, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

В цитированных стихах современному читателю многое знакомо: хотя подблюдные песни и хороводы забыты, благодаря фольклорным коллективам каждый знает, что это такое. Однако теперь уже редкий читатель сможет объяснить, что представляли собой круглые качели и отчего только два раза в год говели Ларини. И, видимо, вообще без ответа останется вопрос: почему на «пучок зари» следовало уронить «слезки три»? В связи с последним вопросом сравним соответствующие строки у А.С. Пушкина и С.А. Есенина.

У Пушкина: «Умильно на пучок зари

Они роняли слезки три...»

У Есенина: «Я пойду к обедне плакать на цветы...»

Эти поэтические свидетельства говорят о бытования в русской жизни традиции плакать на цветы во время троицкой службы. Цветы, которые должны быть оплачены, Пушкин поэтически называет «пучком зари».

Лишь в 1991 г. я смогла совершить этнографическую рекогносцировочную поездку в пушкинские места на Псковщине, а в 1993 г. с этой же целью побывать в есенинском Константинове². Но ни в пушкинских краях, ни на родине Сергея Есенина следов обычая оплакивать «пучок зари» не сохранилось. Тем не менее поиски в этом направлении обнадеживает следующее обстоятельство: в 1968 г. во время сбора этнографических сведений в Михайловском р-не Рязанской обл. мне посчастливилось записать

от жителей с. Новопанское местный троицкий обычай оплакивать цветы, с которыми прихожане стоят троицкую службу³. В с. Новопанское и окрестных селениях подружки собирались рано утром «на заре» и шли в лес за ландышами. Каждая подружка отправлялась со своим «карагодом», который составляли семь–восемь подруг. С букетиками ландышей девушки шли к службе. Еще в 1970-е годы девочки и девушки обязательно отправлялись в церковь с цветами⁴. Среди старшего поколения обычай сохраняется по сей день: «Надо хоть слезинку уронить. Эти святы потом берегут» (с. Стублё)⁵. По местному обычаяу, когда «оплакивают» троицкие цветы, букет прижимают к глазам и плачут.

На Рязанщине цветы, собранные в букет на заре троицына утра, раньше называли «зарей». Не случайно словарь жителей д. Деулино Рязанского р-на сохранил выражение «заря зарей» в значение «очень сильно, обильно цветести»⁶. С «белой зарей» сравнивается цветущая черемуха в семицкой песне Шацкого р-на. Участницы ритуала пели: «Цвети, цвети, черемуха, / Как белая заря»⁷. «Зарявать» в значении «собирать цветы» говорят в некоторых селениях Шиловского р-на (Борок, Ирицы и др.). В этих местах букет любых полевых троицких цветов называли «зарянцей»⁸. Изложенные материалы существенно дополняют сведения о троицком цветке с названием «заря». В исследовательской литературе предпринимались попытки установить, какой же конкретно цветок составлял пушкинский «пучок зари»⁹. Каждый из исследователей пытался найти какое-то одно определенное растение с названием «заря», в то время как словари дают до десяти и более названий растений с подобным определением¹⁰. Таким образом, собирательный характер в названии «зарей» разных цветов и трав позволяет говорить о том, что так мог называться троицкий букет из разных цветов, в том числе и с названием «заря».

Ареал обычая оплакивать троицкие цветы, по-видимому, был довольно широким. Одно из ранних свидетельств о нем – рассказ Н.М. Карамзина «Нежность дружбы в низком состоянии» (1793 г.). Героини рассказа в праздник Троицы оплакивают пучочки лесных «дущистых травок и цветочек» в Архангельском соборе Московского Кремля. Цветы в рассказе служат еще и знаком обета на верность. К тому же героиня объединяет память об умершем родственнике: для одной он был мужем, для другой – братом. Таким образом, *троицкие цветы* не только служат знаком дружбы, но и выполняют некую функцию по отношению к усопшему. Обратимся к рассказу Н.М. Карамзина. Одна из его юных героинь накануне Троицы отправляется в Москву навестить свояченицу. По дороге она наряжала два букета цветов для себя и родственницы, чтобы «стоять с ними у обедни»: «Обедню слушали мы в Архангельском соборе. Мне было очень весело, только я плакала, и Маша плакала, – наши цветочки в змокли от слез [разрядка моя. – Л.Т.], однако же не завяли. Вышедши из церкви, мы ими поменялись; и теперь, сударыня, лежат они у нас за образом»¹¹.

Следующий по времени (1829 г.) из разысканных мною источников об оплакивании троицких цветов – публикация И.М. Снегирева. В статье «О древнем и новом Семике» он писал: «Весною и летом, в некоторых Губерниях Российских цветами, особенно маковыми, осыпаются могилы, кои в Псковской Губернии в Троицын день обметаются пучками цветов, оплакаиных в церкви [разрядка моя. – Л.Т.]; это называется там: *глаза родителям прочищать*»¹².

Обычай оплакивать троицкие цветы был известен шуйским жителям (Владимирская губ.). Здесь в Троицын день собирали цветы, шли с ними в церковь, где во время молебна «раскаиваются тайно в своих грехах со слезами», оплакивая каждый листок на принесенных цветах¹³.

Оплакивание троицкой зелени было известно крестьянам Дмитровского края Тверской губ. Тут девушки во время троицкой службы в церкви должны были уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток, которые затем хранили «от засухи»¹⁴. К типологическому ряду обычая дмитровских крестьян относится и следующее объяснение, услышанное мною в 1988 г. в д. Рудниково Любимского р-на Ярославской обл.: «Пресвятая Богородица на березу плакала, и слезы ее остались на

листочках»¹⁵. Речь идет о «красненьких заметках», которые часто встречаются на молодых березовых листочках.

Таким образом, если судить по известным на сегодняшний день источникам, то ареал обычая «плакать на цветы» – это Рязанская, Московская, Владимирская, Псковская и, возможно, Ярославская губернии. Однако он мог быть шире, поскольку еще в XVII в. этот обычай являлся составной частью торжественной троицкой службы Успенского собора Московского Кремля, в которой принимали участие патриарх и царь с сопровождавшими его боярами и стольниками. Между тем чин троицкой службы Успенского собора Московского Кремля – образец последования при совершении соответствующего богослужения в соборах и церквях других епархий.

В XVII в. для троицкого богослужения в Кремле уже накануне праздника, т.е. в субботу вечером («до павечерицы или до вечери»), патриаршие крестьяне из пригородных подмосковных деревень привозили «лист» – зеленые ветки (к сожалению, в источниках не указаны названия растений – ни деревьев, ни трав, ни цветов). По патриаршему благословению привезенный «лист» вносили в Успенский собор церковные сторожа. После патриаршего благословения «лист» складывали к «одной стороне» соборные ключари: «А по утру рано на 1-м часу сторожи, все 16 человек, придут и готовят мелкий лист, отсекаючи что слать пред престолом, под ковер, и в холсты вложат до времени, в чем принести во олтарь, да потом вскоре пред обеднею и прочий лист вносят в церковь и раскладывают по обе стороны» (1634 г.)¹⁶. Об этом же порядке приготовления троицкого «листа» для торжественного патриаршего богослужения в «Треодионе» 1679 г. записано следующее: «После Всенощной ключари приказывают сторожам про Великого Государя и про Патриарха лист теребить без стебельков», «а к вечерни ключари на налой приготовят праздник живоначальной Тройцы, и после девятаго часа Патриарх выходит со Властьми на место, где облачается, и начинает сам вечерю, а как после стихер начнут славник петь, и ключари подносят Государю лист и настилают, смешав с Государевым листом, на его Государево место, а его Государев лист стелют Патриарху и Властем и во всю церковь, а Патриарх чел молитву без митры, непокровенною главою на запад, и ныне по сему же неизменно бывает, и прочее поют по Уставу, а в тот день павечерия не бывает»¹⁷.

Сопровождавшие царя стольники несли вслед за ним пучок цветов («веник») и «древесный лист», или «щипанный лист» – листья без веток, которые были освящены во время обедни. Когда начиналась троицкая вечерня, подобный же «лист» соборные ключари подносили государю от патриарха. Патриарший «лист» смешивался с государевым. Этим «листом» и травой, подготовленной служителями царской аптеки, застилали царское место, которое тотчас кропилось розовым настоем (так называемая гуляфная водка). Действие застилания храма троицким «листом» совершалось при пении молитвы «Свете тихий»: сторожа, лишь запоют «Свете тихий», разносили во всей церкви «лист», «а Государю на место кладет лист ключарь, а лист подносят пономарю на ковре, окропя гуляфною водкою, и травы кладут, и Патриарху такожде» (1687 г.)¹⁸. На этом благовонном «листе» царь во время моления совершил колено-преклонение. Это называлось «лежать на листу», т.е. падать ниц на листья и оставаться так до конца молитвы («лицеземное поклонение»).

Изживание обычая, совершившегося по описанному выше чину троицкой службы Успенского собора Московского Кремля, скорее всего началось с Петра I, яро конфронтавшего старорусские заветы, а особенно религиозные ритуалы православной церкви с участием царя и патриарха. Не сразу и не везде чин троицкой службы освободился от «привычек милой старины». Если же судить по цитированному выше рассказу Н.М. Карамзина, он широко был известен еще в конце XVIII в. Придерживались его и во времена Пушкина. Но скорее всего православная церковь этот обычай стала воспринимать в качестве архаического, иначе бы в первом печатном издании «Евгения Онегина» не была бы по цензурным соображениям вымарана XXXV строфа со строками «И на пучок зари / они роняли слезки три». По этому поводу цензор «Евгения Онегина», известный автор этнографических трудов о русском народе

И.М. Снегирев 24 сентября 1826 г. сделал в своем дневнике следующую запись: «Был у А. Пушкина, который привез мне как цензору свою пьесу "Онегина", глава II, и согласился на сделанные мною замечания, выкинув и переменив несколько стихов; сказывал мне, что есть в некоторых местах обычай троицкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза»¹⁹.

Эту запись из дневника И.М. Снегирев включил в свой известный труд о русских простонародных праздниках: «В Псковской губернии *пучками трав*, с коими стояли обедню и вечерню в Троицын день, обметают могилы родительские; это называется: *глаза у родителей прочищать*»²⁰. Именно эта цитата оказалась в поле зрения исследователей. Между тем намного содержательнее и «этнографичнее» сведения, сообщенные И.М. Снегиревым в статье «О старом и новом Семике», в числе которых он упоминает об оплакивании в церкви цветов и об осыпании ими могил.

В пушкинских местах на Псковщине обычай «прочищать родителям глаза» дожил до наших дней. В д. Воронич обычай сохранил свой характерный архаический фразеологизм: «Опахивать могилку – глазки прочищать родителям», т.е. слегка обметать могилу по краешку к центру веточками березы или березы и сирени. Обычай «опахивать» могилу известен и в других районах Псковской обл. (Опоченский, Печорский), но уже об обычаях «прочищать глаза родителям» и оплакивании троицких цветов записать ничего не удалось. Обратим внимание: на соответствующий вопрос рассказчицы отвечали, что *опахивание*, согласно традиции, совершается *только один раз в году* – с четверга (семицкого) и до вторника (следующей недели)²¹. Например, в д. Ярцево Опоченского р-на опахивают только на Троицу; начинают опахивать в четверг – «ломаешь березку с сиренью и опахиваешь кругом могилку», потом «ставишь эту щипанинку к кресту. Полотенец новый вешаешь на крест. Когда ездишь на кладбище в родительский день, то полотенец висит на углу дома три дня. На кладбище полотенец висит с четверга до вторника». Примечательно, что рассказчица обо всех поминальных днях говорила в единственном числе, объединяя их неким единством времени: «У нас поминали с четверга. С четверга родительский день начинался... В понедельник кончается родительский день» (Е.Н. Никандрова, 1914 г.р.).

Сто лет назад крестьяне так объясняли назначение обычая: опахивание приносит радость умершим – «душеньки их будут радоваться» (Новорожевский у.)²²; «народ полагает, что костям покойников точно так же приятно от опахивания, как живым от бани» (Себежский у.)²³.

Сейчас можно лишь предполагать, что в одних местах обычай оплакивать троицкие цветы сохранялся по традиции, в других он постепенно угасал, особенно в XX в. в связи с массовым уничтожением православных храмов. Именно поэтому его ареал, выявленный на ограниченном числе источников, оказался достаточно пространным. В Михайловском р-не Рязанской обл. он дожил фактически до XXI в. Публикация в 1970 г. полевых этнографических материалов по с. Новопанское с описанием обычая оплакивать троицкие цветы²⁴ вызвала исследовательские отклики. Были предложены следующие объяснения цели обычая:

1) *агарное назначение* – троицкие цветы оплакиваются, чтобы вызвать дождь, столь необходимый полям (Н.И. Толстой, Ф. Конт). Еще раньше об этом писала А.Б. Зернова (1932 г.); 2) *поминально-агарное назначение обряда* – оплакивание троицких цветов как «поминальное оплакивание умерших» (Л.Н. Виноградова), которое уважаемая исследовательница, кажется, соотносит с семицко-троицким поминовением так называемых заложных покойников²⁵; 3) интерпретация обычая с точки зрения *ритуального союза* (И.М. Денисова): толкование троицкого оплакивания цветов в качестве «намека на призыв оплодотворяющего дождя» вытекает из исследовательской концепции И.М. Денисовой, которая трактует семицко-троицкий ритуал как имевший целью восприятие зародышей будущих детей девушками и молодушками от родового тотемного духа-покровителя²⁶.

В свете изложенных точек зрения возникает вопрос более общего порядка: какое

красивой иконы занимает изображение необыкновенного дерева с красным стволом, на котором вместо листьев прорастают цветы – огромные очень красивые колокольчики красного и синего цветов. На изогнутом стволе этого необычного дерева восседает Богородица. К Ее ногам склонилась ветка с красной головой колокольчика. Сюда же припал пономарь Юрьиш.

Символический язык казанской загадки угадывается в песне, исполнявшейся для женатой пары на чердынской свадьбе (Пермский край). В песне жена рассказывает мужу, что во сне она видела, будто у них на широком дворе:

«...Выросло древичко ягодное,
Другое древичко сахарное,
На древичках-то прутья золотые,
На прутьях-то ветки серебряные,
На ветках-то листья все бархатные.
Под древичком травонька шелковая,
На травке цветочки-то аленькие,
Аленькие да лазоревые»³⁴

В этой песне «древичко ягодное» с золотыми прутьями, серебряными ветками и бархатными листьями символизирует родившихся детей брачной пары, которой присвевалась песня; от этих детей уже пошли серебряные и золотые ветки и прутья, т.е. род разветвился; цветочки «аленъкие да лазоревые» – символ детей, которых предстояло родить данной брачной паре.

В свете изложенных материалов вспоминаются наши троицкие березки, украшавшиеся не только яркими лентами и лоскутками, но и цветами. Такую украшенную цветами небольшую березку вносили в селение хороводы девушки в Ачинском у. Енисейской губ.³⁵. Семицко-троицкое деревце, укращенное цветами, – это символ новых поколений и процветания людей данного селения. Особый интерес вызывает костромской обычай, по которому полагается внутрь девичьей «красоты» (елочки, которую перед свадьбой наряжают подружки невесты) спрятать маленькую куколку в качестве намека на будущих детей. Здесь важно то, что украшенная елочка выступает в роли символической хранительницы новых поколений, вызывая ассоциации с «деревом жизни».

Благодаря ярким лентам, символизировавшим цветы, уподоблялись цветам и сами девушки, наряжавшиеся по большим праздникам в головной убор, который, как и троицкая березка, назывался «кустом». Праздничное украшение из пяти ярких лент («кусты» или просто «косник») типично для Тамбовской, южных районов Рязанской обл., Мордовии.

Пример мифоассоциативных воплощений между участниками ритуала и троицкими цветами – троицкие обычай мордовских девушек из с. Оркино Саратовского у. Девушки этого села «хороводами» в лесу рвали цветы, вили венки и украшали себя цветами, втыкая их в волосы над ушами и в косу, в конец которой вместо обычных шнурков с кисточкой в этот день вплетали красные ленты. Украшенные цветами и венками девушки, обнявшись и заняв всю ширину улицы, с песнями входили в село³⁶. Обратим внимание на то, что в Троицын день девушки вместо обычных шнурков вплетали красные ленты. По некоторым угорским представлениям, на конце девичьей косы обитает душа-птица³⁷. Возможно, что именно этой душой-птице в качестве символа возрождения и была посвящена красная лента. По Олеарию, литовские невесты бросали красные пояса на могилы некрещеных детей. Олеарий отметил также, что русские девушки в конец своей косы вплетали красную шелковую нить³⁸. Таким образом, троицким венком вокруг макушки, цветами над ушами (обычно это место было защищено «пушкайми») и красной лентой в косе были отмечены и сакрализованы те части головы и косы девушек, которые, по народным представлениям, выполняли жизненно важные функции.

Прослеживается определенная универсальность в представлениях народов мира

значение придавалось цветам в традиционном мировосприятии? Поиски ответа на поставленный вопрос ведут к пониманию корней обычая оплакивания троицких цветов.

Роль цветов в мифопоэтической картине мира идентична роли звезд в той же картине мира. Цветы на земле и звезды на небе являются мифопоэтическими invariantами таких субстанциональных категорий человеческого бытия, как свет, рождение, смерть.

Звезды как олицетворение небесного макрокосма и цветы как олицетворение земного микрокосма объединяет их причастность к свету. С точки зрения мифологического мировосприятия, внутренняя энергия звезд, как и цветов, заключает в себе свет. И если звезды этот свет излучают, освещая космическую тьму, то цветы усиливают положительное качество физического света земного пространства, т.е. звезды и цветы обладают еще и живоносными силами. Таким образом, мифологемы звезд и цветов несут цветовые, световые и живоносные характеристики. В то же время, по мнению лингвистов, если принять во внимание индоевропейское чередование задненебных согласных, то возможно сближение слов «цвет» и «свет»²⁷. В связи с этим напомним о бытующем, например, среди старых рязанцев произношении слов «цвет», «цветок» как «свет» и «святок», т.е. диалектные слова «святы», «святок» в значении «цветы», «цветок» воспроизводят образные понятия со значением **сияния и святости**. В то же время, как пишет В.Н. Топоров, «родственная близость» понятий «священного» (святости) и «сияния» восходит к архаическому индоевропейскому корню, использовавшемуся также для обозначения возрастаания (набухания) не только физической массы, но и «некоей внутренней плодоносящей силы...»²⁸.

Если говорить о живоносной, или «плодоносящей силе» звезд, то здесь в первую очередь вспоминаются широко известные среди славян представления о том, что покровительницей замужних женщин, зачатия и деторождения является утренняя звезда. Широко известно и представление о том, что звезда на небе – это не что иное, как воплощение души человека²⁹. Схожи представления о цветах. Мифопоэтический взгляд на цветы как воплощение девичьей души реконструируется по хорошо известным свадебным обрядам и фольклору. Это прежде всего цветы, которыми украшалась свадебная елка (или «красота») и с которыми ассоциировались девушки в песнях, исполнявшихся во время девичника и действий со свадебной елкой.

Цветы как воплощение душ людей – один из известных и любимых образов в фольклоре народов мира. Если говорить о русской словесности, то достаточно вспомнить поэтическую аксаковскую сказку «Аленький цветочек», в которой душой заколдованный молодец был алый цветок. Сказка со схожим сюжетом была записана в 1927 г. и в д. Воронич Пушкинского р-на. Только в ней душой молодца, превращенного в медведя, была «ореховая веточка»³⁰.

Среди восточных славян особенно интересные материалы дает украинская этнография, где букетики цветов («квитки») до сих пор являются символами новорожденных, крестин, крестильных обедов. Собственные обширные полевые разыскания Н.К. Гаврилюк позволили ей сделать важный исследовательский вывод: «Заглавная роль бабки-повитухи как распорядителя обряда позволяет рассматривать ее особу не только какrudимент материнского родового строя, но и как пережиточный обряд мифологический богини с цветами» [разрядка моя. – Л.Т.]³¹.

Среди материалов на данную тему уникальный сюжет сохранила старинная рукопись, присланная в архив РГО из Казанской губ. и опубликованная Д.К. Зелениным. В ней содержится повествование-вопрос: «Стоит дерево, имея на себе цветы красные, а на дереве сидит птица и щиплет со дерева цветы красные и мечт в корыто. Цветов не наполняется, а красные цветы с дерева не умаляются». Разгадка-ответ: дерево – весь мир, цветы – это «человецы», корыто – земля, птица – смерть, и сколько смерть похитит, столько и родится в мире³². Иконографической иллюстрацией к этой загадке можно считать икону XVII в. «Явление Богоматери и Николы пономарю Юрьшу» из церкви Астафьевского погоста (Каргополье)³³. Всю центральную часть удивительно

о красных цветах как воплощениях еще неродившихся детей или душ погибших людей (в том числе героев и святых). По народным легендам, на месте гибели или из капель крови последних вырастают красные цветы³⁹.

Если сделать предварительный вывод по изложенным материалам, то очевидно, что традиционное мировосприятие русского и других народов ассоциирует цветок с местом воплощения души человека. Однако для троицкой обрядности были характерны ассоциации не только с цветами, но и с листьями деревьев. И вот тут следует вспомнить о «щипанном листге», которым устипался Успенский собор Московского Кремля и на который падал, совершая коленопреклоненное моление, царь со своей свитой во время троицкой вечерней службы. С какими представлениями ассоциировались троицкие листья, если их наряду с цветами также прижимали к лицу, оплакивали, совершали моление, распостервшись на них? Напомним и о том, что каждое действие с этим «щипанным листом» совершалось не иначе, как с благословения патриарха. Понять глубинные корни такого отношения к троицким листьям помогает белорусская легенда о Божией Матери и листопаде. В ней повествуется о том, как Богоматерь по просьбе «чёрта» отдала ему листопад, не ведая, что это был **не листопад, а души покойников**:

«Посли того стали души покойники паствуать в адъ: усё тыды падають и терплют там муку вешную.

Приходить Гаспоть и говорить на Божжу Матирь:

— Што ты панаделала?

— А што?

— Да души человеческия дъявылу атдала.

— Я атдала дъявылу только што листапад — сухея листя.

— Да, какой листапад — ета души пакойники: ане прежде были Богавы, а таперь стали дъявылы.

Ну, теперь поступать твяму Сыну на муку, а то тем душам узвароту не будить!»⁴⁰

Эта легенда уникальна тем, что сохранила образно-ассоциативные представления о душах людей в качестве листьев, упавших с дерева, т.е. дерево оставалось «деревом жизни», как в казанской загадке, по сюжету которой «красные цветы с древа не умаляются», упавшие же листья и цветы — это уже воплощение душ умерших людей⁴¹. Именно здесь — истоки русского народного обычая устилать гроб засохшими троицкими березовыми листьями и класть в изголовье умершего подушку из этих же листьев и цветов. Традиция широко бытowała и на Псковщине⁴².

Архаичное представление о троицких цветах и листьях как воплощениях душ умерших сохранила ритуальная терминология с. Чурьяково Угличского у.: здесь букеты полевых цветов и украшенные лентами березовые ветки, с которыми ходили в Троицын день к храмовой службе, называли «духій». «Ходили в церковь с духами», — так говорили в этом селе⁴³.

Вывод напрашивается один: сановные прихожане Успенского собора Московского Кремля, как и прихожане многих других храмов Московского государства XVII в., оплакивая «лист» и цветы, таким способом оплакивали души усопших предков. Примечательно и то, что оплакивание совершалось при исполнении соответствующих молитвопений: «Сподоби, Господи» и «Ныне отпущаещи». В «Треодионе» Успенского собора под 1685 г. записано: «...Молитвы говорили Патриарх в Царских дверях на запад, а у книжного стола Ключарь говорил: "Сподоби, Господи" и "Ныне отпущаещи"». Схожая запись под 1687 г.⁴⁴ Таким образом, троицкая вечерня совершалась с использованием правил погребального чина.

Современной реминисценцией на троицкие листья как на души усопших и их реинкарнацию (вспомним казанскую загадку) является троицкий обычай вологодской д. Прокино (Северное Белозерье). Здесь еще в 1950-е годы подростки до 14 лет в день Троицы ходили на местную горку (Гуркина Гора), сплошь покрытую зарослями вереска. У каждого из детей там был свой куст. Эти кустики считались «могилками» (!). И каждый на свой куст-«могилку» навязывал яркие лоскутки, ленточки, бу-

мажки; вешали и украшенные бумажными цветами веночки из выущегося растения «деряги»⁴⁵. Украсив «могилки», угощались у них и разыгрывали троицкие хороводы. Современное восприятие обычая рассказчиками – это детская игра, которую устраивали вместо посещения кладбища в Троицын день⁴⁶. Однако описанный обычай – один из уникальных для русской этнографии в свете казанской загадки «красные цветы с дерева не умаляются». Ведь кустики-«могилки», которые подростки украшают ярким реквизитом и «веночками» из растения, окрашивающего в желтый цвет, как раз и воплощают эту идею «красные цветы с дерева не умаляются». В нашем контексте кустики-«могилки» можно интерпретировать как «цветы жизни» или как «деревья жизни» в зависимости от возраста участников игры.

Вернемся к обычаям оплакивать троицкие цветы. Выше уже обращалось внимание на вероятный вариант их собирательного названия «зарей», что не исключает бытования локального обычая составлять троицкий букет из какого-либо одного растения, в местной лексике называемого «зарей». В народной поэтике заря всегда сопряжена с алым, красным, иногда белым цветами. Наши далекие предки, называя букет семицко-русского периода года «зарей», ассоциировали его с жизнью и возрождением, поскольку вся природа в это время наполнена новой жизнью, рождением, колошением, цветением. По традиционным представлениям русских, когда «заря зорнит» хлебные поля, колосья быстрее наливаются и созревают, т.е. с зарей, с алым, «дряным» небесным цветом зари связывались представления о плодородии и хлебном благодеянии⁴⁷. На Псковщине о зарнице «перед Успением, когда овсы жать надо», говорили: «Зарница овсы спелит»⁴⁸.

Таким образом, оросить троицкие цветы и листья слезами в религиозно-символическом значении означало помочь душам усопших воскреснуть к будущей жизни. В народных представлениях ритуальное орошение слезами – то же, что оросить росой или дождем. Более того, в мифopoэтических традициях разных народов символика дождя соотносится с солнцем и светом, т.е. с животворением, плодоношением, возрождением. Возрождению усопших к будущей жизни, воскресению – в числе других ритуальных принадлежностей и действий – должны были способствовать цветы на могилах, красный цвет в жизни и погребальном ритуале⁴⁹. В наше время особенно впечатляют локально бытующие погребально-поминальные обычай с использованием красного цвета⁵⁰.

Изложенные материалы позволяют сделать вывод о том, что, по старинным представлениям, время, на которое приходится троицкий цикл весенней обрядности (для Окского-Волжского региона его точнее назвать «семицко-русским циклом»), соотносилось с периодом возрождения, ибо земля бывает «чревата» не только будущим урожаем, но и могилами. Идея воскресения и возрождения должны были служить обряды с орошенными слезами троицкими цветами и листьями. Этой идеи и служило все разнообразие весенней аграрно-поминальной и в целом общинной обрядности русских крестьян.

Вернемся к началу нашей статьи, к строфе XXXV романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», к образу пучка зари, на который роняли слезки дворяне Ларины. Этнографическая реконструкция этого пушкинского образа *милой старины*, как и есенинского *плакать на цветы*, говорит о древности этого удивительного обычая и особой его значимости в годовом круге народного поминального культа. Выше уже обращалось внимание на насыщенность строфы XXXV этнографическими подробностями в характеристике сельской жизни русских дворян. Но «этнографична» не одна эта строфа. Таких подробностей *милой старины*, как в «Евгении Онегине», так и в других пушкинских стихах, поэмах, повестях, литературных записях, рассыпано великое множество. Например, перечитывая в очередной раз повесть Пушкина «Барышня-крестьянка», остановимся на клятве его главных героев. Лиза Муромская и Алексей Берестов договариваются о свидании: «А ты не обманець меня?» – «Не обману», – «Побожись». – «Ну вот те святая пятница, приду». Влюбленные клянутся *святой пятницей!* Вкладывая в уста барышни Лизы Муромской «крестьянское наречие», А.С. Пушкин

оперирует не придуманным крестьянским языком, а очень точным образом. *Матушка святая Пятница* (Параскева Пятница) и в XX в. почиталась покровительницей брака, пред ее образом свершалось таинство венчания в церкви⁵¹.

Еще один пример – сказки А.С. Пушкина. В них просматриваются мифологические древности и столь необыкновенно точные характеристики героев, что образы их доступны реконструкции на уровне мифа. Это позволяет говорить и о владении поэтом определенной мифопоэтической традицией, и об очень глубоком ее знании. Обратимся к поэму «Руслан и Людмила». Ее герои – это прототипы наших былинных богатырей. Среди них особенно узнаваем образ помощника Руслана, хранителя «дивной науки», которого Пушкин называет «седым мудрецом» и «старцем колдуном». «Этнографичность» образа этого «старца колдуна» в том, что он – «природный финн», «вещий Финн, / Духов могучий властелин». Дело в том, что и в XX в. угро-финны среди соседних народов слышили могучими колдунами⁵².

У Пушкина нет случайных образов, как нет их в традиционной народной культуре. Великий поэт с достоинством воспринимал свою причастность к русскому народу, как и ко всем народам, населявшим Россию. Его творчество пронизано «русским духом» и Русью, но оно процветло и многонациональным многоцветьем в его высокой духовности и историчности, благодаря которым о творчестве Пушкина судят как об отмеченном «народным духом». Именно поэтому А.С. Пушкина, осененного «хоругвью горести народной», никогда «России сердце не забудет!..»⁵³.

Примечания

¹ «Кустом» до сих пор старые рязанцы называют молодые березки, ветви которых кустятся от комля. В Троицын день деревенские окошки украшались березовыми ветвями с яркими лентами на них.

² Этнографическая практика в с. Константиново была осуществлена при содействии и на средства Рязанского областного центра народного творчества (директор В.В. Коростылев). Сбор материалов проводился в селах Константиново, Кузьминское, Аксеново.

³ Подробнее см.: Тульцева Л.А. Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1970. № 6. С. 114.

⁴ Записано от Р.В. Ушаковой, 1955 г.р., с. Новопанское, 1995 г.

⁵ Записано от М.К. Бухаревой, 1912 г.р., с. Стублё, 1995 г.

⁶ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Материал собрали и словарь составили Г.А. Баринова, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова, И.А. Оссовецкий, В.Б. Силина, К.П. Смолина. М., 1969. С. 191.

⁷ Запись И.С. Слепцовой, 1995 г. Архив И.С. Слепцовой.

⁸ «Девки, айда зарявити!», т.е. идем собирать цветы. Так говорили жительницы старшего поколения с. Борок. Цитированные материалы любезно предоставлены для публикации А.Н. Гавриловым (Дом народного творчества, пос. Шилово).

⁹ Толстой Н.И. «Плакать на цветы»: Этнолингвистическая заметка // Русская речь. 1976. № 4. С. 29; Конт Ф. Язычество и христианство в России: «двойная вера» или «тройная вера»? // Тысячелетие введения христианства на Руси. 988–1988. Юнеско, 1993. С. 172.

¹⁰ Подробнее см.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.; М., 1880. С. 694; Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 11. Л., 1976. С. 15.

¹¹ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 241.

¹² Снегирев И.М. О древнем и новом Семике // Московский вестн. 1829. Ч. 5. С. 183.

¹³ Владимирские губ. вед. 1852. № 28.

¹⁴ Зернова А.Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 30.

¹⁵ Записано от Ульяны Кузьминичны Восковой, 1902 г.р. (Архив Ин-та этнологии и антропологии РАН. Д. 8846. Тетр. 2. Л. 15. Полевые тетради Л.А. Тульцевой. 1988 г.).

¹⁶ Устав церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе. Около 1634 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссию. Т. 3. СПб., 1876. Стб. 150.

¹⁷ Древняя российская виблиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся (далее – ДРВ). Изд. 2-е. Ч. XI. М., 1789. С. 146, 147.

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ Цит. по: Толстой Н.И. Указ. раб. С. 30.

²⁰ Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. I. М., 1837. С. 185.

²¹ В пятницу не опахивают, так как, по объяснению информатора, это постный день; то же говорили о среде.

²² Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. № 1404. Л. 35.

²³ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 137. Процитируем полную запись Д.К. Зеленина о том, как совершалось опахивание могил на Троицу в Себежском у. Витебской губ.: «Каждый прибывший на кладбище отламывает березовую ветку и отдает ее старшему родственнику, который связывает их в семейный венник и метет им могилы; за ним это же делают тем же веником прочие родственники, причем каждый читает, какие знает, молитвы о даровании умершим вечного покоя и царствия небесного; народ полагает, что kostям покойников точно так же приятно от опахивания, как живым от бани, и что родственник, не доставивший этого удовольствия своим "дзедам" по лености или небрежности, может быть наказан "дзядами" ломотою в костях» (1882–1890 гг.).

²⁴ См.: Тульцева Л.А. Указ. раб.

²⁵ Виноградова Л.Н. Цветочное имя русалки: славянские поверья о цветении растений // Этноляковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 240–241.

²⁶ Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 122–132, 156.

²⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987. С. 292–293.

²⁸ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклоре и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 37.

²⁹ Подробнее см.: Тульцева Л.А. Семь свечей «Утра стрелецкой казни» // Родина. 1998. № 2. С. 83–87; ее же. Человек на Небе и на Земле в русском фольклоре и народных верованиях // Древняя астрономия: Небо и Человек. Докл. междунар. науч.-метод. конф. М., 1998. С. 251–258.

³⁰ Чернышев В.И. Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950. С. 29. № 12.

³¹ Гаврилюк Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 169.

³² Зеленин Д.К. Указ. раб. Вып. II. С. 567; Денисова И.М. Указ. раб. С. 68.

³³ Государственный Русский музей. Цветная иллюстрация в кн.: Каргополье. Художественные сокровища / Авт.-сост. Г.П. Дурасов. М., 1984. С. 93.

³⁴ Зырянов И. Чердынская свадьба. Пермь, 1969. С. 212. № 198.

³⁵ Макаров А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. С. 171–172. (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. XXXVI).

³⁶ Миних А.Н. Народные обычай, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собранны в 1861–1888 годах. СПб., 1890. С. 105. (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. XIX. Вып. II).

³⁷ Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 138–139 (ТИЭ. Т. LI).

³⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 174.

³⁹ См., напр.: Басилов В.Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 118–151.

⁴⁰ Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. I. СПб., 1891. С. 240: № 20.

⁴¹ Среди многочисленных сведений, которые дает этнография народов мира по этому вопросу, обратим внимание на материалы В.Н. Шинкарева по тибето-бирманским народам. Последние верили, что каждый человек рождается из цветка и с цветком, называвшимся «цветком жизни». С достижением половой зрелости «цветок» человека превращается в «дерево жизни». Подробнее см.: Шинкарев В.Н. Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. М., 1997. С. 128, 203–204.

⁴² В 1991 г. автором были сделаны следующие записи по этому вопросу: «Делали березовую подушку и гроб устилали холстом и березовыми листьями» (Н.Е. Парфенова, 1910 г.р., д. Сиверсты Великолукского р-на); «Нашалоуш листов и маленьких стружков от домовья [и кладут] в подушку. В гроб стружков [мелких] тоже клади. Раньше домовья делали каждый в своем хозяйстве, у каждого свои доски хорошие, чистые были заготовлены» (Е.Н. Никандрова, 1914 г.р., д. Ярцево Опоченского р-на); «Подушку погребальную набивали березовым листом с веника. А прутья снесут в поле и сожгут» (Е.П. Иванова, 1907 г.р., д. Пожеревицы Дедовичского р-на).

⁴³ Троицкий Н. Из обычаев в окрестностях Углича // Ярославские губ. вед. Часть неофиц. 1892. № 40.

⁴⁴ ДРВ. С. 149, 151.

⁴⁵ «Деряга», или «перяба», «деряжка», «зеленица», «зеленик», – растение, *Lycopodium complanatum*, употребляется на севере России для окраски шерсти в желтый цвет (Даль В.И. Указ. раб. Т. I. С. 677).

⁴⁶ Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Б.А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 356.

⁴⁷ Как зорька зорнит хлеба, так вечерняя и утренняя заря должны были «осиять» перед свадьбой своим рдяным светом (цветом) девушку-невесту. Обряд так и назывался «отбит зорю» (северо-восток Тверской

обл.), «зарю акликатъ» (хопперские казаки), «выйти зорю» (Пермская губ.) и др. Он всегда исполнялся на вечерней или утренней заре и на просторе: среди широкой улицы, за околицей, на крыше дома. К XX в. его содержание сильно изменилось, но осталось название, сохранившее ритуально-архетипический пласт представлений, ассоциировавших человека с природой. В данном обычье невеста как бы «выставлялась» на ряный цвет зари, что, по-видимому, должно было, согласно архаичным представлениям, усилить ее детородные качества и чисто женские способности к материнству и общению с водными источниками, растительным и животным миром.

⁴⁸ Записано от А.С. Лазуто, 1907 г.р., д. Сиверсты Великолукского р-на.

⁴⁹ Подробнее см.: Бушкевич С.П., Страхов А.Б. Восточнославянский «красный траур» по данным фольклора и погребальной обрядности // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 19–21; Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 122–148.

⁵⁰ Такие традиции были зафиксированы этнографом И.А. Кремлевой у староверов Нижегородского Заволжья и Пермской обл. Во время этнографической работы ей встретилась обмывальщица, которая надевала красный фартук каждый раз, когда шла к умершему «обмыть и снарядить в последний путь» (экспедиции в Нижегородское Заволжье в 1972–1974 гг.). Траурным считается красный цвет в с. Юм Юрлинского р-на Пермской обл.: здесь женщины одеваются во все красное на похороны и все поминальные дни, в том числе если необходимо спровести погребально-поминальный ритуал в другом селе. (Личный архив И.А. Кремлевой. 1985 г.). Я искренне благодарна И.А. Кремлевой за предоставленные материалы, которые, к сожалению, еще не были опубликованы.

⁵¹ Например, свершалось таинство венчания перед известной по множеству публикаций деревянной скульптурой Параскевы Пятницы из пермского села Ныроб. На белом плате Параскевы, укрывающей голову, и белом оплечье нанесен не просто «мелкий красный узор» (Масленцын С.И. Русская деревянная скульптура. М., 1994. С. 269), а идеограммы, с помощью которых были зашифрованы заговоры на брак, здоровье, плодородие и жизнь.

⁵² См., напр.: Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.

⁵³ Ф.И. Тютчев, «29-ое января 1837». Цит. по: Тютчев Ф.И. Лирика (сер. «Литературные памятники»). Т. I. М., 1965. С. 88.

L.A. T u l t z e v a. «Three tear droplets on a bunch of rays...» (at attempt at reconstructing one of Pushkin's notions of the «dear old times»)

In the past there was a custom among the Russians of crying over flowers during the time of the church trinity service. The flowers to be mourned upon are described poetically by A.S. Pushkin as «a bunch of rays (of the morning sun)». The article is an attempt to use the available field data of ethnography and an analysis of literary sources to track the area of distribution and purposes of the said custom.

© 1999 г., ЭО, № 3

Л.Н. П у ш к а р е в

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ ВОКРУГ ОБРАЗА РУСЛАНА

180 лет назад молодой Пушкин начал свою первую большую поэму «Руслан и Людмила», и вот уже более 150 лет в нашей литературе не утихают споры вокруг ее центрального образа – Руслана. «Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царско-сельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни»¹, – такими словами А.С. Пушкин начал свое предисловие ко второму изданию поэмы в 1828 г. Ее первое издание, вышедшее в 1820 г., вызвало, как известно, оживленные отклики в журналах